

Н. А. Поликарпова

**Многообразие проявлений смерти в древнеримской юридической мысли
(на примере Дигест Юстиниана)**

Статья посвящена рассмотрению не получившей обстоятельного освещения в историографии античности темы восприятия смерти представителями Древнеримской цивилизации. Источник, объединивший нормативные акты времен Римской империи, – Дигесты Юстиниана – позволяет выделить различные проявления смерти в зависимости от возрастных, гендерных, социальных, профессиональных характеристик.

Ключевые слова: римское право, Дигесты Юстиниана, закон, степень ответственности, власть домовладыки, смерть гражданина, воина, женщины, раба.

N. A. Polikarpova

**Variety of Death's Displays in the Ancient Roman Legal Thought
(on the example of Justinian's Digest)**

The article is devoted to consider the theme of death perception by representatives of the Ancient Roman civilization which was not represented in detail in historiography of antiquity. The source which has united statutory acts of the Roman Empire, – Justinian's Digests, allows to allocate various displays of death depending on age, gender, social and professional characteristics.

Keywords: the Roman Law, Justinian's Digests, a law, a degree of responsibility, a house-owner's power, death of a citizen, a soldier, a woman, a slave.

Для большинства представителей современного общества за термином «римское право» скрывается смысл следующего рода: наиболее развитая система древнего права, которая формировалась и складывалась в античном обществе, открывавшем широкие возможности для развития частной инициативы и права частной собственности [1].

Римское право сыграло исключительную роль в развитии европейского права, так как именно на его основе – путем рецепции [2] – складывались правовые системы большинства современных государств.

Однако попытка создать собрание римских нормативных актов и сочинений юристов была предпринята, когда не только творцы знаменитых законов, но и государство Западная Римская империя прекратили свое существование. Так называемое «римское право» было окончательно оформлено, классифицировано и приведено в систему стараниями представителей, хоть и родственной, но все же самобытной Византийской цивилизации. Усилие это увенчалось успехом и воплотилось в жизнь лишь в VI в. н. э. в Кодификации византийского императора Юстиниана I.

Данный исторический парадокс имеет и позитивную сторону: сведение воедино большинства

римских законов времен Империи (пусть и не их непосредственными создателями) позволило не только сохранить многообразные нормативные акты до наших дней, но и облегчило возможность анализа, сравнения, интерпретации образцов римской правовой мысли.

Можно говорить о том, что сформированная в Кодификации Юстиниана модель справедливого мироустройства не была полностью тождественна мозаичному миру, сконструированному римскими юристами в законах разного времени, поскольку новации в области экономического, социального, духовного развития вызывали необходимость перетасовывать, заменять устаревшие, добавлять новые элементы, соответствующие представлениям о норме и законности представителей византийского социума VI в. [3].

Однако возможность разглядеть оригинал, пусть даже фрагментарно, за более поздними напластованиями не утрачена, поскольку с момента непосредственного создания законов до их оформления в единый свод прошло не настолько много времени, чтобы особенности жизни римлян имперского периода полностью нивелировались с византийскими.

Текст Кодификаций Юстиниана, или свод гражданского права, включает в себя Институции, Дигесты [4] и Кодекс Юстиниана.

Кодекс, обнародованный в 529 г., вообрал в себя все императорские постановления I–VI вв. К 533 г. были созданы Институции, или элементарные учебники римских юристов, дававшие систематический обзор действовавшего, в основном частного, права. В этом же году увидели свет составленные комиссией юристов под руководством Трибониана [5] Дигесты (Пандекты) – основная часть кодификации римского права. Дигесты представляют собой систематическое собрание отрывков из сочинений римских «классических» юристов. Они разделяются на 50 книг, каждая из которых делится на титулы, состоящие из фрагментов [6]. Около семидесяти процентов содержания Дигест составляют выдержки из сочинений пяти крупнейших юристов – Гая [7], Модестина [8], Павла [9], Папиниана [10] и Ульпиана [11].

Являясь довольно объемным источником, Дигесты содержат большое количество разнообразной информации в области восприятия смерти. Тексты законов отражают такие важнейшие проявления смерти (нередко отличные от зафиксированных ранними древнеримскими юридическими сводами), как право главы фамилии распоряжаться жизнью и смертью домочадцев и иных зависимых лиц, вариативность тяжести и видов наказания в зависимости от половой принадлежности подсудимого, распространение действий суицидального характера, существование развитой системы вынесения смертных приговоров для воинов и др.

Большое внимание в тексте законов уделено отношениям домовладыки и лиц, находившихся в его власти. Тот факт, что власть главы фамилии была достаточно сильна, не вызывает сомнения, ибо отец мог, к примеру, давать клятву «головой (своих) сыновей» [12] или устанавливать, что «ребенок воспитывается у того, кому это приказал родитель» [13], однако безнаказанно чинить самосуд в рамках семьи он уже не мог, ибо чересчур жестокие проявления отцовской власти существенно ограничивались.

Так, убийцей ребенка считался «не только тот, кто его удушает, но и тот, кто его выбрасывает, отказывает ему в содержании или подкидывает его в общественное место для того, чтобы он возбудил (у других) жалость, которой лишен сам (подбросивший)» [14]. Отказ от ребенка не случайно приравнивался к убийству, ведь в слу-

чае непризнания «младенца выносят на дорогу, где он умирает от голода и холода, или становится добычей собак, или же подбирается особыми предпринимателями, которые эксплуатируют нищих» [15]. Таким образом, ни в чем не повинный младенец по сути дела подвергался остракизму, и, не способный позаботиться о себе, чаще всего погибал. Подобное действие мало чем отличалось от самоличного умерщвления ребенка. По этой причине законы дезавуировали право отца на совершение любых действий, приводящих к преднамеренной смерти младенца.

Следовательно, право вершить суд, «наказывать» смертью, уничтожать физически несовершеннолетнее потомство ускользало из рук главы семьи.

Жесткая регламентация жизни, довлевшая над лицами, находившимися под отеческой властью, а также жажда удовлетворения меркантильных интересов посредством получения наследства [16] подталкивали ребенка к высвобождению из-под власти родителя самым простым, но бесчеловечным способом – путем физического устранения родителя. Подобные действия, естественно, порицались обществом, которое даже не гнушалось возрождения древнего пережитка – кровной мести, ибо, как свидетельствует источник, если лицо, запятнанное отцеубийством, падет от руки своего сына, «то все признают, что здесь нет преступления, но даже следует дать награду» [17].

Если сила отеческой власти над членами семьи была значительно подорвана, то право хозяина распоряжаться жизнью и смертью рабов сохранялось [18]. Поскольку раб по-прежнему относился к категории «вещного» мира, в тексте законов достаточно часты упоминания о праве обладания вещью, возмещении ее стоимости в случае порчи или уничтожения, а также о сделках купли-продажи с участием рабов в качестве товара [19].

Подобное обращение с невольником вкупе со свойственной древним римлянам жестокостью в отношении зависимых лиц нередко толкали рабов на бегство и даже вступление в категорию борцов на арене. В случае обнаружения этих категорий рабов закон требовал отдавать их «господам, безразлично до битвы с дикими зверьями или после битвы» [20].

Нередки были и случаи самоубийства среди рабов. Действия подобного рода могли вызвать не столько психическое нездоровье, сколько невыносимо тяжелые условия существования [21].

Любая попытка лишить себя жизни, будь то повешение, отравление или прыжок со скалы, рассматривалась как изъясн, существенный недостаток, о наличии которого покупатель раба должен был быть уведомлен, ибо подобного невольника считали «таким, который может посягнуть на другого так же, как он посягнул на себя» [22].

Степень ответственности лиц, деятельность которых могла привести к летальному исходу, варьировалась в зависимости от рода их занятий. К примеру, врачу не вменялось в вину наступление смерти больного. Но в случае, если врач оказывался шарлатаном и отсутствие у него необходимых знаний и умений приводило к смерти больного, избежать наказания лекарю не удавалось [23]. Подобная мера была призвана сократить число спекулянтов, деятельность которых вызывала недоверие и даже неприязнь многих римлян к методам лечения.

Юридическому наказанию подлежали работавшие в местах большого скопления народа цирюльники, услуги которых приводили к смерти клиента [24], а также садовники, опиравшие ветви деревьев, или работники, занятые починкой строений, чья неосторожность послужила причиной смерти прохожих [25].

Законами ограничивалась власть учителей, обучавших детей, а излишняя свирепость вменялась им в вину. Ответственность учителя наступала в случае, если тот «при обучении выбьет ученику глаз; в еще большей степени это следует сказать, если произошло убийство». Совершивший преступление учитель был обязан выплатить отцу погибшего ребенка сумму, которую глава семьи потерял в результате увечья или смерти ребенка, а также издержки на лечение, закончившееся летальным исходом для пострадавшего [26].

Таким образом, помимо особенностей той или иной профессии, в законах учитывались и обстоятельства совершения деяния, соблюдение правил осторожности при выполнении профессиональных обязанностей, а также наличие / отсутствие какого-либо умысла.

Зависимость населения Рима от сильной, хорошо обученной армии приводила к жесточайшей регламентации жизни и поведения легионеров, а обеспечение и поддержание дисциплины в подобной общественной структуре осуществлялось на основе суровых наказаний.

Смертная казнь могла быть применена в отношении военнослужащего в случае бегства с поля боя, перехода в стан врага, утери или про-

дажи оружия, невыполнения приказа вышестоящего лица и попытки причинения ему вреда, подстрекательства к восстанию, дезертирства [27]. Все эти правонарушения касались вопросов дисциплины, поддержание которой во многом обеспечивало успешность исхода военных действий.

Смертью карался также тот, «кто перейдет (окружающий лагерь) вал или войдет в лагерь через стену» [28]. Близок ему по содержанию другой фрагмент, информировавший о том, что в случае, «если кто-нибудь повредит стены, то он наказывается смертью, как и тот, кто перелезет через стену с помощью лестницы или иным способом, ибо римским гражданам не разрешается выходить (из города) иначе, как через ворота; перелезание через стены является враждебным актом и должно быть отвергнуто: и Рем, брат Ромула, был убит, как передают, за то, что он хотел перебраться через стену» [29]. Столь суровое наказание, как для воина, так и для любого гражданина, довольно легко объяснимо. Запрет проникать в населенный пункт не иначе как через ворота был вызван опасностью обнаружения врагом уязвимых мест в защите поселения, что могло привести к его полному уничтожению.

Наказание лишением жизни для легионеров могло быть приведено в исполнение преимущественно через растерзание дикими животными или повешение [30].

Таким образом, смерть поджидала воина везде: каждый легионер чувствовал ее незримое присутствие, находясь под защитой лагерных стен, отдыхая после длительного перехода или сражаясь на поле боя. Однако если пасть смертью храбрых в кровавой сече было почетно, то принять смерть на глазах у своих товарищей как расплату за нарушение было унижительно и позорно. Чувство стыда могло натолкнуть ослушника на мысль о самоубийстве как возможности избежания позора и негласного осуждения [31].

Дигесты Юстиниана впервые определяют также меру наказания для женщин-преступниц, а кроме того, фиксируют казусы, касавшиеся женской судьбы. Так, высшей мерой наказания для римлянки являлась смертная казнь, хотя закон умалчивает, за какого рода провинность она наступала [32]. В случае беременности подсудимой исполнение смертного приговора откладывалось до момента рождения ребенка. При этом преступное прошлое матери никоим образом не сказывалось на положении ребенка – по рождению он признавался свободным [33].

В статьях законов достаточно часто в качестве действующего лица фигурируют беременные женщины. Один из законов предполагал запрет «хоронить женщину, которая умерла, будучи беременной, прежде чем будет вырезан (из ее трупа) плод. Кто поступит вопреки этому, тот рассматривается как уничтоживший вместе с беременной надежду на появление живого существа» [34]. Хотя случаи благоприятного исхода событий в подобной ситуации были очень редки, закон предписывал в любом случае совершать акт извлечения плода. Вероятно, данная мера с течением времени была возведена в статус традиции, призванной служить напоминанием о том, что жизнь – самое ценное для человека и бороться за нее необходимо даже тогда, когда, казалось бы, надежды на воскресение уже нет.

Дигесты Юстиниана законодательно закрепляли превосходство мужчины [35], ущемляя права и возможности женщин, в частности, в обрядовой сфере. Это выражалось в необходимости римлянки носить в течение определенного времени траур по мужу, иначе она объявлялась персоной, пользующейся дурной славой [36]. Женская доля была тем более незавидна, если ее муж был осужден за измену либо наложил на себя руки в связи с терзавшими его угрызениями совести, ведь его позор автоматически переносился на женщину [37].

Смерть некоторой «собирающей», «шаблонной» личности в тексте Дигест, как и в более ранних сводах законов, не несла в себе существенной эмоциональной нагрузки, а воспринималась в качестве некоторого пограничного момента, наступление которого для одних лиц означало завершение индивидуальной витальности, для других открывало пути к обогащению [38], высвобождению из-под власти [39]. Смертный миг завершал не только жизненный путь – он ликвидировал комплекс выполняемых человеком социальных ролей и функций, с ними связанных. Законом констатировалось прекращение с моментом наступления смерти разного рода сделок: «сдачи внаем или предоставления вещи в пользование до востребования (*ргесаgium*)» или прекращение существования товарищества, «хотя бы оно было образовано по соглашению всех и большинство осталось» [40].

В целом, информация, содержащаяся в тексте Дигест, позволяет сформулировать утверждение о том, что в представлении римлян имперского периода смерть была «многолика». Усложнение устройства и структуры общества, развитие и

совершенствование способов межличностного общения, трансформация представлений о норме/патологии в поведении людей, создавали большое количество ситуаций, требовавших законодательного регулирования, и обеспечивали множественность вариантов проявления смерти в них.

Примечания

1. Новицкий, И. Б. Римское право [Текст]. – М., 1997. – С. 6.

2. Рецепция в данном контексте – заимствование и приспособление конкретным обществом социальных и культурных форм, возникших в другой стране и в другую эпоху.

3. Данный факт находит свое подтверждение в Конституции «О составлении Дигест», которые звучат следующим образом: «Мы, однако, обнаружили, что все отрасли законов, созданные от основания города Рима и идущие от Ромуловых времен, находятся в таком смешении, что они распространяются беспредельно и не могут быть объаты никакими способностями человеческой природы. Нашей первой заботой было начать с живших прежде священных принципов, исправить их конституции и сделать их ясными; мы их собрали в один кодекс и освободили от излишних повторений и несправедливых противоречий, дабы их искренность давала всем людям быструю помощь. Совершив это дело... мы приступили к высшему и полнейшему исправлению права – собрать и исправить все римские постановления и включить в один кодекс столько разрозненных томов авторов». См.: Из Конституции «О составлении Дигест» // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана / пер. И. С. Перетерский [Текст]. – М., 1997.

4. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана / пер. И. С. Перетерский [Текст]. – М., 1997.

5. Трибониан (? – ок. 545), византийский юрист, активный участник кодификации Юстиниана.

6. Омельченко, О. Римское право [Текст]. – М., 2000. – С. 19.

7. Гай – римский юрист II в. н. э., автор знаменитого юридического учебника – «Институций». По закону, принятому в 426 г., произведения Гая были признаны обязательными для судей.

8. Модестин – римский юрист III в. В 426 г. сочинениям Модестина была придана обязательная юридическая сила. 345 фрагментов из произведений Модестина включены в Дигесты.

9. Павел – римский юрист III в. В 426 г. сочинениям Павла была придана обязательная юридическая сила. Извлечения из работ Павла составили шестую часть Дигест.

10. Папиниан – (ок. 150–212), римский юрист и государственный деятель. В 426 г. сочинениям Папиниана была придана обязательная юридическая сила.

595 фрагментов из сочинений Папиниана вошли в состав Дигест.

11. Ульпиан – (ок. 170, Тира – 228), римский юрист, сторонник естественного права. В 426 г. сочинениям Ульпиана была придана обязательная юридическая сила.

12. Дигесты Юстиниана, XII, II, 4.

13. Там же, XXV, IV, 3, § 10.

14. Там же, XXV, III, 4.

15. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян [Текст]. – Смоленск, 2002. – С. 78.

16. Дигесты Юстиниана, XIV, VI, 1.

17. Там же, XI, VII, 35.

18. Там же, I, VI, 1.

19. Там же, VI, I, 17, 36, 79.

20. Там же, XI, III, 5.

21. Там же, XX, I, 17, § 4, 6.

22. Там же, XX, I, 26, § 3.

23. Там же, IX, XVIII, 6, § 7.

24. Там же, IX, II, 8.

25. Там же, IX, XVIII, 31.

26. Там же, IX, II, 5–7.

27. Там же, IXL, XVI, 5, 7, 8.

28. Там же, IXL, XVI, 8, § 17.

29. Там же, I, VIII, 11.

30. Там же, IXL, XVI, 8, § 10.

31. Там же, IXL, XVI, 6, § 7.

32. Там же, I, V, 18.

33. Там же.

34. Там же, XI, VIII, 1, § 6.

35. Там же, I, XIII, 12; II, I, 1, § 5.

36. Там же, II, II, 1, 9.

37. Там же, II, II, 11, § 3.

38. Там же, XIV, V, 7.

39. Там же, XIV, VI, 1.

40. Там же, XVII, II, 65, § 9.